

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 821.161.1.09-3+929 Писемский
DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-72-77

О. В. Тимашова
Саратов, Россия

Olga V. Timashova
Saratov, Russia

ПРОБЛЕМА ЖАНРА В ИСТОРИЧЕСКОМ
ЦИКЛЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО РАННЕГО
ПЕРИОДАTHE PROBLEM OF GENRE IN THE EARLY
HISTORICAL CYCLE OF A. F. PISEMSKY

В статье рассматриваются проблемы циклизации прозы А. Ф. Писемского раннего периода. Она представляет анализ ранее неизвестного цикла Писемского. Выявляется наличие «исторического» цикла (1857–1862), переходного от раннего к зрелому творчеству. Он носит исторический характер и рисует типические портреты поколений до- и послереформенного времени.

Образы цикла восходят к размышлениям о феномене русского национального характера. Другим циклизирующим принципом является образ автобиографического повествователя.

В состав цикла входят произведения 3 малых жанров: повесть «Старческий грех», новелла «Фанфарон», два рассказа: «Старая барыня» и «Батька». Произведения циклизируются по принципу контраста, поколенческого, социального и морально-этического.

Статья синтезирует биографический, исторический, литературоведческий методы. В статье рассматриваются законы творчества Писемского с точки зрения жанрового и циклического построения, его влияния на биографию писателя.

Ключевые слова: писатели-«еретики», А. Ф. Писемский, цикл, рассказ, повесть, новелла, принципы циклизации, автор-повествователь, рассказчики, хронотоп, Н. Г. Чернышевский, Л. Аннинский, А. П. Могилянский.

The research is dedicated to cyclisation in the early period of A. F. Pisemsky's prose and presents the analysis of Pisemsky's cycle which was unknown earlier. The study reveals "The historical cycle" (1857–1862) which is transitional from early to mature work. The cycle is of historical character and depicts typical portraits of generations of pre- and post-reformist times. The images of the cycle are rooted in speculations about the phenomenon of Russian national character. Another cyclic principle is the image of autobiographic narrator.

Three works of small genre comprise the cycle: novel "Old Person's Sin", short novel "Swaggerer", short stories "Old Lady of the Manor" and "Father". The works are cycled in the grounds of contrast, generation, social, moral and ethical principles.

The research paper synthesises biographical, historical and literature studies methods.

Key words: authors-«heretics», A. F. Pisemsky, cycle, story, short story, novel, short novel, principles and cyclisation, author-narrator, story-teller, N. G. Chernyshevskiy, L. Anninskiy, A. P. Mogiyansky.

Сведения об авторе: Тимашова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской и зарубежной литературы.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: timashova.ov@gmail.com

About the author: Timashova Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of History of Russian and Foreign Literature.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: timashova.ov@gmail.com

Важность анализа жанровой системы для раскрытия авторской мысли произведений Алексея Феофилактовича Писемского (1821–1881), одного из писателей-«еретиков» XIX столетия [1 : 6], отмечали еще его современники. Н. Г. Чернышевский, указывая на строгую объективированность малых жанров Писемского, пояснял, что «чувство у него

выражается <...> смыслом целого произведения» [2 : 721], а центральная роль в определении авторского отношения к персонажам принадлежит повествователю, или «докладчику»: «<...> Весь доклад так составлен, что решение должно склониться в пользу той стороны, что кажется правою докладчику» [2 : 721].

Ю. Айхенвальд впервые поставил вопрос о необходимости рассматривать зрелые произведения писателя циклизированно. Так, касаясь романа «Взбаламученное море» (1863), в котором автор «из движения шестидесятых годов воспроизвел <...> смешные и темные стороны» [3 : 267] и который послужил причиной травли Писемского в демократической прессе, исследователь указал на необходимость объединить его в двухчастный цикл со следующим романом «Люди сороковых годов» (1869). В нем, по контрасту, писатель сформировал лучших людей и положительные стороны пред- и пореформенного времени. Только при этом условии перед читателем возникнет объективная картина русской жизни 1840–1860-х гг. В непонимании этих основ жанровой поэтики писателя, важности циклизированного изучения его созданий крылась трагедия его неприятия обществом: «Поверили только насмешке Писемского, а не благословию его» [3 : 267]. А. П. Могиланский на примере четырех последних романов Писемского вскрыл принципы циклизации его крупных эпических созданий: «<...> Романы “Люди сороковых годов” и “В водовороте” были дополнены <...> еще одной парой <...> противоположных романов, которые, в свою очередь, каждый в отдельности противопоставлены и произведениям предыдущей пары. <...> В совокупности <...> четыре романа составили <...> единство <...> замысла» [4 : 136].

Исследователи отмечали, что стремление к объединению в циклы произведений эпических [5] и драматических [6 : 87–88] было свойственно Писемскому со времени литературного дебюта. В этом отношении писатель был представителем «натуральной школы» 1840-х гг. [7]. М. П. Еремин предположил, что ранняя проза писателя представляет мегацикл. Он же заявил, что этнографическая проблематика явилась циклообразующей, и потому предложил назвать мегацикл «костромским» – по месту действия [8 : 23].

Таким образом, в науке приобрела актуальность цель проследить становление принципов циклизации в индивидуальной поэтике Писемского. Для достижения цели необходимо разрешить вопрос о жанровой специфике ранних малых циклов писателя, от которых произошел переход к двух- и четырехчастным романским циклам его позднего творчества. Для решения этого вопроса, в свою очередь, необходимо разрешить проблему выявления и последовательного жанрового анализа ранних эпических циклов Писемского.

Мы считаем необходимым выделить ранее неизвестный малый цикл Писемского. Он подводил итог содержанию первых малых прозаических циклов о русской провинции и

выводил писателя к историко-общественной проблематике зрелой романистики. Этот цикл можно назвать «историческим», поскольку проблема осмысления бытия обыкновенного человека в эпоху исторических перемен стала для писателя центральной во второй половине 1850–1860-е годы. Писемский заявлял своему другу, И. С. Тургеневу, о задаче, насущной для всей литературы накануне «великих реформ»: «<...> Нам всем – и Вам, и мне, и Островскому, и Гончарову – пришла пора обратиться взгляд назад и писать исторические вещи <...>» [9 : 26]. Далее писатель сделал оговорку, раскрывающую то содержание, которое он вкладывал в понятие «исторический»: «<...> Писать о том времени, которое нами <...> прожито» [9 : 26]. Герои выделенного нами цикла, так же, как впоследствии персонажи его романов, мыслят историческими категориями. Так, дворецкий «старой барыни» заявляет: «Госпожа наша <...> была <...> *наипервейшая особа в России*<...>» (*курсив мой*. – О. Т.) [10 : 403]. Заглавия произведений цикла – «Батька», «Старая барыня», «Старческий грех», «Матушкин сынок» (первый вариант названия новеллы «Фанфарон» [11 : 63]) – указывают, что творческой задачей писателя было сравнение «века нынешнего» и «века минувшего». Тем самым цикл подготавливал проблематику последующих романов «Взбаламученное море» и «Люди сороковых годов».

Данный цикл не выделен самим писателем; что может быть мотивировано «разными пластами творческой саморефлексии» [12 : 80]. Другой причиной авторского невнимания к объединяющим мотивам цикла могла стать его творческая история, самая долгая среди малых циклов Писемского (1854–1862). Еще одной причиной могла стать сложная система жанровых составляющих цикла, тогда как остальные малые циклы Писемского, художественные («Очерки из крестьянского быта»), этнографические («Путевые очерки») и публицистические (фельетоны Салатушки-Безрылова, «Русские лгуны») в жанровом отношении однородны.

Закономерно, что появление этого вершинного малого эпического цикла Писемского совпало с кристаллизацией его индивидуальной жанрово-родовой системы. На раннем этапе творчества его прозаическая жанровая система включала повесть, новеллу и рассказ [13]. Произведения всех этих жанров вошли в состав обнаруженного нами цикла: новелла «Фанфарон» (1854), рассказ «Старая барыня» (признанный современниками лучшим художественным созданием 1857 г. [14 : 329]) и «Батька» (1861), повесть «Старческий грех» (1862).

Повесть и новелла у Писемского контрастны на образном, идейном и сюжетно-композиционном уровне. Центральный персонаж новеллы, как правило, – роковой красавец, подражатель Лермонтова и Байрона («М-г Батманов», «Фанфарон», «Красавец»). В произведении, посвященном судьбе этого героя, мы не находим плавного повествования. В новелле нанизываются один на другой «скверные анекдоты», иллюстрирующие тот или иной этап существования персонажа. Его окончательное разоблачение, выявление нравственного ничтожества лица, притязавшего на романтическое презрение к миру, происходит в финале, в традиционном новеллистическом «пуанте».

Заглавная новелла «Фанфарон» аккумулирует проблематику цикла, выделенного нами. Она исследует в контрастном сопоставлении «старое» и «новое» поколение русского дворянства на примере дяди, мудрого исправника Ивана Семеныча Шамаева и племянника, «фанфарона» Митеньки. Среди жизненных аксиом старого служилого сословия главная – служба государева. Подразумевается служба в пехотном полку – ведь «в кавалерии служба дорога» [10 : 354]. Родители не в состоянии, да и не считают нужным обеспечивать отпрыскам безбедное существование: «Из дома ни копейки, <...> разве матушка тихонько от отца пришлет белья» [10 : 365]. После отставки можно жить в ближайшем городке, если удастся «приискать должность» – не слишком доходную, но хлопотную и обязывающую, как у старшего Шамаева. Желательнее жизнь в поместье – «при собственном глазе» [10 : 347–348].

Этот образ жизни, сложившийся веками, кажется парадоксально нелогичным, когда речь заходит о милосердии. Племянник возмущается многочисленностью дворни – «при двухстах душах богадельня на сорок человек велика» – и получает риторический ответ: «<...> Старые слуги <...>, куда их девать? Или <...> мужик <...> обеднеет, его берут в дворню». Представители старшего поколения руководствуются христианской моралью: «<...> Не тяготись дворней. Это <...> грех» [10 : 380].

Молодое поколение, утратив домостроевские добродетели, не приобрело ничего, кроме фанфаронады. Она выражается во внешности молодого барина – «щеголь этакой, <...> осанка <...> графская» [10 : 372]. Под стать ему молодая жена – «одета, конечно, по последней моде» [10 : 372]. Претензией становится и образованность: Митенька покупает библиотеку. «Сколько я тебя <...> знаю, ты <...> вряд ли <...> книгу и развертывал», – недоумевает дядя, не понимая

значения книг как модной детали интерьера [15 : 383]. В поведении современного «проприетера» писатель выявляет молчаливские черты. «<...> У моей жены собачка <...> померла <...>; Дмитрий Никитич <...> презентует <...> превосходнейшую левретку» [10 : 386–387], – с восторгом рассказывает губернатор.

Контрастность новелле придают и внутренние, психологические парадоксы: противоречие между «быть» и «казаться» в судьбе Митеньки. Это же противоречие мы назовем первым среди циклообразующих. «Фанфарон» Митенька считает себя романтическим героем, но на самом деле «романическое приключение» и гибель от любви выпадает скромному бухгалтеру Ферাপонтову из повести «Старческий грех». В повестях Писемского по контрасту с новеллой разворачивается подробный, исполненный скрытого сочувствия рассказ о судьбе «лишнего человека» («Тюфяк»). Герой повести Писемского, как пояснял ее автор, «в первый раз <...> встречается с жизнью <...> по приезде домой. Но жизнь <...> его начинает не развивать, а терзать» [11 : 27] грязью и пошлостью провинциального бытия. В повести, как и в новелле, принципиальный характер носит двухчастное деление. Начало второй части мотивируется традиционным для жанра повести *«испытанием»*, которое для героя <...> означает необходимость выбора и <...> вызывает этическую оценку его поступка <...>» (*курсив автора. – О. Т.*) [16 : 393].

В новелле «Фанфарон» и повести «Старческий грех» противопоставлены грехи «фанфарона», разорившего имение, погубившего кроткую жену и оставшегося безнаказанным, – и служебный подлог, на который решился честный чиновник ради любимой женщины. Поняв, что был обманут, герой повести Иосаф Ферапонтов, не ожидаясь решения суда, кончает жизнь самоубийством. Ферапонтов далеко не пожилой человек. Исследователь склонен объяснять эту «неувязку» «бытовой философией возраста» [15 : 62], существовавшей в сознании людей XIX века. Другой скрытый мотив, полагает ученый, – социально-обличительный: «перевертыш» «российского смрада», где «старость» – в сущности не старость; и «грех» – не грех» [15 : 62].

Рассказы Писемского, как правило, рисуют сильные, дерзкие натуры, бросающие вызов судьбе («Питерщик», «Комик», «Леший», «Плотничья артель»). Таковы «старая барыня» и «батька», заглавные герои двух рассказов о представителях старшего поколения, рущащего судьбы молодежи в дворянской и крестьянской семьях. По контрасту с ними выявляется отсутствие внутренней цельности,

надломленность молодого поколения, будь то «фанфарон» Митенька или даже Ферাপонтов.

Ход рассуждений и склад речи старого исправника актуализирует этот важнейший идейный аспект цикла. Они указывают на то, что давало силу крестьянским и мещанским персонажам предшествующих рассказов, что укрепляло старое поколение деревенского дворянства, – кровную связь с мужицким бытом и православной моралью. В финале второго рассказа «Старая барыня» акцентируется эта вторая тема цикла: сложность взаимоотношений крестьян и помещиков на Руси. Повествователь-дворянин рассчитывается с хозяйкой постоялого двора, старой крестьянкой Грачихой:

– Старая, много берешь.

– Полно-ка <...>, много берешь; ишь, во каких енотах ходишь, а я <...> век в полушубчишке бегаю <...>, – отвечала она и <...> усадила меня <...> в сани, перекрестила меня вслед» [10 : 431].

Отметим, что для малых жанров Писемского характерны авторские финальные наблюдения-выводы; иронические – в новелле («Чем <...> не разрешалось русское разочарование!»), сочувственные в повести и рассказе («<...> Порадовавшись успеху Питерщика, я в его лице порадовался за <...> русского человека»). Авторские выводы в финале произведений «исторического» цикла дополняют друг друга, актуализируя общественно-исторические наблюдения писателя. В финале новеллы «Фанфарон» автор счел необходимым ввести «пуант», чтобы не оставалось сомнений, что такого рода люди, как промотавшийся Митенька Шамаев, руководят начавшимися реформами: «По известиям, дошедшим до меня <...>, Шамаев выбран директором одной из так блистательно идущих акционерных компаний, <...> для спасения дела. Надо полагать, что поправит и спасет его» [10 : 398]. В повести те же общественно-разоблачительные наблюдения приобретают трагический характер: «Жить в таком обществе, где Ферাপонтовы являются преступниками, Бжестовские людьми правыми и судьи вроде полицеймейстера, <...> надобно иметь большой запас храбрости!» [10 : 521]. В финальном рассказе цикла повествователь подчеркивает неразрывную связь минувшего и настоящего: «Чтобы оторваться от <...> дорогих, но <...> тяжелых воспоминаний, я велел постелю себе приготовить <...>; но заснул только утром <...>. “О, если бы забыть прошедшее и не понимать будущего!” – мерещилось мне в тревожном сне» [10 : 550] («Батька»).

Анализ принципов сближения малых произведений подтверждает, что Писемский, приступая к художественной циклизации, следовал

законам развертывания эпического цикла: «<...> Циклические построения связываются <...> через взаимодействие <...> принципов – контраста / тождества. Утверждая их, эпический цикл формируется в преодолении <...> эпико-повествовательной инерции» [6 : 57].

Два из четырех произведений «исторического» цикла повествуют о представителях низшего социального круга – мещанства, крестьянства («Старческий грех», «Батька»), два – дворянского («Старая барыня», «Фанфарон»). В двух частях цикла выведены люди «старого века» («Старая барыня», «Батька»), в контрастных им – люди современной писателю, переходной эпохи («Старческий грех», «Фанфарон»).

Над сословными контрастами у Писемского преобладают религиозно-моралистические. Способность, «лицемерить не только перед другими, но и перед самим собою» [17: 271] сближает «современного снобса» [18: 71–72] Митеньку с персонажами, восхваляющими «старый век» – старухой Пасмуровой и ее верным дворецким, Яковом Ивановым («Старая барыня»). Потребность лгать себе и другим как отрицательная, но, увы, неотъемлемая часть русского национального характера специально исследуется Писемским в следующем за «историческим» цикле «Русские лгуны» (1865–1866), оставшемся по цензурным причинам незаконченным.

Другим, помимо проблемно-жанрового противопоставления, приемом циклизации становится введение системы рассказчиков. У каждого из них свой опыт, личный и сословный, своя точка зрения и соответственно свои оценки происходящего. Психологическая достоверность этого «многоголосья» восхитила Чернышевского при чтении рассказа «Старая барыня»: «Рассказ превосходен. <...>. В тех местах, где женщине <...> говорить приличнее, Яков Иванов позволяет <...> говорить жене; в иных местах, где Яков Иванов <...> хочет прикрыть всё, что было не ладно, перебивает его содержательница постоялого двора, которая не разделяет благоговения <...> к его госпоже» [17 : 271]. Центральным рассказчиком является честный исправник Шамаев. Этот образ связывает проблематику «исторического» цикла проблематикой предшествовавшего ему цикла «Очерки из крестьянского быта», что подчеркнуто подзаголовком произведений: «Рассказ исправника» [10 : 244] «Еще рассказ исправника» [10 : 342].

Третьим, взаимосвязанным со вторым, приемом циклизации является введение образа автобиографического повествователя. Читатель впервые познакомился с ним в цикле «Очерки из крестьянского быта» (рассказ «Леший»). Он появляется в некоторых рассказах

цикла «Русские лгуны» («Сантименталы и сантименталки», «История о петухе»). Но только в «историческом» цикле фигура повествователя предельно конкретизируется, развивается от произведения к произведению, обретает биографию. Мы можем воссоздать ее на основных жизненных этапах. В рассказе «Батяка» повествователь видит себя «все-го лет двенадцати» в «голубой деревенской гостиной» родителей, где разворачивается судилище над невинными жертвами снохача-«батяки» [10 : 522]. В повести «Старческий грех» воспоминания повествователя помогают воссоздать обстановку гимназии, где главный герой, Иосаф Феррапонтов, был его одноклассником: «<...> Мы <...> помним сквернейший сентябрьский день <...>, длинную залу <...>. Стояли мы, человек тридцать мальчиков, в новеньких вицмундирчиках и с глубокой тоской в сердце от грядущей нам будущности» [10 : 436]. О чиновничьей деятельности повествователя, исполняющего поручение собрать досье на Митеньку, свидетельствует завязка новеллы «Фанфарон»: «Губернией управлял князь ***. Четверг был моим докладным днем» [10 : 342].

О «грядущей <...> будущности» повествует и последний рассказ цикла, «Старая барыня», где повествователь возмужавшим «баринном» возвращается «из Питера» и на одной из станций становится свидетелем импровизированного суда над покойной барыней. Одновременно зачин «Старой барыни» возвращает нас к детским годам повествователя: «В селе В...е была последняя станция, на которую приехал я в родные пределы» [10 : 399]. Так, с учетом личного развития повествователя цикл обретает кольцевую композицию. Отметим, что название села может быть прочитано как «Воньшево» и в этом случае оно совпадает с названием родового села старинной фамилии Писемских [11 : 503].

Анализ поэтики «исторического» цикла показывает, что он, как и остальные циклы Писемского, развивается по строгим внутренним законам. Циклообразующим в данном случае является наличие контрастных (в индивидуальной поэтике Писемского) жанров внутри цикла, система рассказчиков и образ автобиографического повествователя. Анализ «исторического» цикла в системе прозы Писемского доказывает, что именно он явился переходным от раннего прозаического творчества писателя, представленного малыми жанрами, к романам 1860-х гг. В произведениях 1860-х гг. в рамках двух центральных тем: исторической и сословно-культурологической, события недавнего прошлого, корреспондируя с настоящим, помогают увидеть более далекую историческую перспективу.

Расширенный анализ позволил дополнить и скорректировать гипотезу М. П. Еремина о стремлении Писемского к «мегациклизации». Не только раннее, но и прозаическое творчество Писемского в целом близко «мегациклу». Финальное произведение одного цикла связывается с заглавным произведением следующего своей проблематикой и образом повествователя.

Сопоставление образов «дворянских» и «крестьянских» персонажей позволяет понять основы «еретичества» Писемского; причины, по которым писатель, пошедший «поперек течения», был подвергнут травле радикальными изданиями, а похвалы в его адрес сменились нарочитым забвением. В эпоху «великих реформ» на волне усиления социально-обличительного начала русской беллетристики писатель отказывается от задачи подчеркнуть социальные контрасты. Он, напротив, ищет пути сближения русских людей одного типа и поколения в рамках исследования русского национального характера. Нравственная ценность характеров, изображенных Писемским, не совпадает с возрастом и сословной принадлежностью персонажей.

Положительными героями Писемского становятся те персонажи, которые сумели соединить в душе и поведении лучшие черты обеих культур, дворянской и крестьянской. Таков исправник Иван Семеныч Шамаев – чиновник, сумевший соединить законы европейского судопроизводства с мудростью предков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чупрынин С. Поперек течения, или Уроки русской «ереси» [Вступительная статья] // Аннинский Л. Три еретики. М.: Книга, 1988. С. 3–16.
2. Чернышевский Н. Г. «Очерки из крестьянского быта» г. Писемского // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Гослитиздат, 1939–1953. Т. 4. С. 561–572.
3. Айхенвальд Ю. Писемский // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. Т. 2. С. 266–268.
4. Могиланский А. П. А. Ф. Писемский. Жизнь и творчество. Л.: ЛИО Редактор, 1991. 158 с.
5. Оганян Н. С. Художественное своеобразие очерков и рассказов Писемского // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. Ереван, 1976. № 6. С. 27–36.
6. Ляпина Л. Е. Русские литературные циклы (1840–1860). СПб.: Образование, 1993. 112 с.
7. Лебедев Ю. В. А. Ф. Писемский. Жизнь. Творчество. Литературная судьба // Лебедев Ю. В. В середине века: Историко-литературные очерки. М.: Современник, 1988. С. 314–320.
8. Еремин М. П. Выдающийся реалист // Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. М.: Правда, 1959. Т. 1. С. 3–56.
9. Турганев И. С. Переписка: в 2 т. М.: Наука, 1986. Т. 2. 648 с.

10. Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. / под ред. А. П. Могиланского; подг. текста и примеч. М. П. Еремина. М.: Правда, 1959. Т. 2. 564 с.

11. Писемский А. Ф. Письма / под ред. и коммент. М. К. Клемана и А. П. Могиланского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 928 с.

12. Минц Б. А. Лирический триптих «Петрополь» О. Э. Мадельштама: текстология и поэтика // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 80–88.

13. Тимашова О. В. Проблемы жанра и композиции ранних произведений А. Ф. Писемского, опубликованных в журнале «Москвитянин» // Вестн. Томск. ун-та. Сер. Филология. 2015. № 2 (34). С. 166–173.

14. Колбасин Д. Я. Письмо И. С. Тургеневу // Тургенев и круг «Современника» / под ред. Н. В. Измайлова. М.; Л.: Academia, 1930. 492 с.

15. Кошелев В. А. О возрастных указаниях в поэме «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасовский сборник. XI–XII. СПб.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1998. 228 с.

16. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтмана. М.: Академия, 2004. Т. 2. 369 с.

17. Чернышевский Н. Г. «Старая барыня» г. Писемского // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Гослитиздат, 1939–1953. Т. 4. С. 720–722.

18. Дружинин А. В. Журналистика. «Фанфарон» г. Писемского // Отечественные записки. 1854. Т. 96. Отд. IV. С. 69–72.

REFERENCES

1. Chuprynin S. Poperek techeniya ili Uroki russkoy erezis [Across the course, or Lessons of the Russian heresy]. *Introductory article in Anninsky L. Tri eretika. Pisemsky. Leskov. Mel'nikov-Pechersky* [Three heretics. Pisemsky. Leskov. Mel'nikov-Pechersky]. Moscow, Kniga Publ., 1988, pp. 3–16.

2. Chernishevsky N. G. Ocherki iz kresjanskogo buta A. F. Pisemskogo [Essays on peasant life by A. F. Pisemsky]. *Chernishevsky N. G. Poln. sobr. soch.: v 16 t. [Complete works]*. Moscow, 1953, vol. 4. pp. 561–572.

3. Aickenval'd Yu. A. F. Pisemsky. *Aickenval'd Yu. Silueti russkih pisatelei* [Silhouettes of Russian writers]. Moscow, 1994, vol. 2, pp. 266–268.

4. Mogilyansky A. P. A. F. Pisemsky. *Zhizn i tvochestvo* [A. F. Pisemsky. Life and art.]. Leningrad, Redactor Publ., 1991. 158 p.

5. Oganian N. S. Khudojestvennoie svoeobrazie ocherkov i rasskazov A. F. Pisemskogo [Artistic originality

of essays and short stories by A. F. Pisemsky]. *Nauchnie doklady vyshey shkoly* [Scientific reports of the higher education institutions]. Erevan, 1976, iss. 6. pp. 27–36.

6. Ljapina L. E. *Russkie literaturnye tsikly* [Russian literary cycles (1840–1860)]. St. Petersburg, Obrazovanyea Publ., 1993. 112 p.

7. Lebedev Yu. V. A. F. Pisemsky. *Zhizn. Tvochestvo. Literaturnaia sud'ba* [A. F. Pisemsky. Life. Art. Path in literature.]. *Lebedev Yu. V seredine veka* [In the middle of the century]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, pp. 314–320.

8. Eremin M. P. Vydauschijisja realist [An outstanding realist]. *Pisemskiy A. F. Sobr. soch.: v 9 t. [Complete works]*. Moscow, Pravda Publ., 1959, vol. 1, pp. 3–56.

9. Turgenov I. S. *Perepiska: v 2 t.* [Correspondence]. Moscow, 1986, vol. 2. 648 p.

10. Pisemsky A. F. *Sobranije sochinenij: v 9 t.* [Complete works]. Moscow, 1959, vol. 2. 564 p.

11. Pisemsky A. F. *Pis'ma* [Letters]. Ed. by M. K. Klemman and A. P. Mogilyansky. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1936. 928 p.

12. Mints B. A. Liricheskiy triptick “Petropol” O. E. Mandel'shtama: tekstologia i poetika [Lyric triptych “Petropolis” by O. E. Mandel'shtam: textology and poetics]. *Izvestiya Saratov un-ta* [Proceedings of Saratov University]. Saratov, 2013, vol. 13, iss. 2, pp. 80–88.

13. Timashova O. V. Problemy janra i compozicii rannih proizvedenij Pisemskogo, opublicovannih v gurnale “Moskvitjanin” [Problems of genre and composition of the early works of A. F. Pisemsky, published in “Moskvitjanin”]. *Vestnik Tomskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk university]. 2015, no. 2 (34), pp. 166–173.

14. Kolbasin D. Ya. Pismo I. S. Turgenevu [A letter to I. S. Turgenov]. *Turgenev i krug “Sovremennika”* [Turgenov and “Sovremennik”]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1930. 492 p.

15. Koshelev V. A. O vozrastnih ukazaniyah v poeme “Komu na Rusi zhit' khorosho” [On the age indications in the poem “Who is happy in Russia”]. In: *Nekrasovskiy sbornik* [Nekrasov's collection]. XI–XII. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 228 p.

16. Teoriya literatury [Theory of Literature]. Eds. N. D. Tamarchenko, V. I. Tjupa, S. N. Broitman. Moscow, 2004, vol. 2. 369 p.

17. Chernishevsky N. G. “Staraja barynja” A. F. Pisemskogo [“The Old Lady” by Pisemsky]. *Chernishevsky, N. G. Poln. sobr. soch* [Complete works]. Moscow, 1953, vol. 4, Goslitizdat Publ., pp. 720–722.

18. Druzhinin A. V. Gurnalistica. “Fanfaron” Pisemskogo [Journalism. “Fanfaron” by Pisemsky]. *Otechestvennye zapiski* [Annals of the Fatherland]. St. Petersburg, 1854, vol. 96, iss. IV, pp. 69–72.

Статья поступила в редакцию 04.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тимашова О. В. Проблема жанра в историческом цикле А. Ф. Писемского раннего периода // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 72–77. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-72-77

For citation

Timashova O. V. The Problem of Genre in the Early Historical Cycle of A. F. Pisemsky. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 72–77. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-72-77 (in Russian).